

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЭМБРИОНА В НАЦИОНАЛЬНОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

А. В. Чуманская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости 4,
220030, г. Минск, Беларусь, cumanskaaanastasia@gmail.com
Научный руководитель – А. М. Синицына, кандидат юридических наук, доцент*

Цель статьи заключается в изучении правового статуса эмбриона в различных странах, рассмотрении дискуссионных вопросов таких как «жизнь человека», «определение начала жизни человека». На основе анализа законодательства Республики Беларусь и зарубежных стран можно прийти к заключению, что в национальном законодательстве нет единства подходов к определению статуса эмбриона.

Ключевые слова: эмбрион; правовой статус; вспомогательные репродуктивные технологии; правовая охрана; эмбрион in vitro.

Каждая женщина наделена правом самостоятельно решать вопрос о материнстве. Однако нельзя не отметить тот факт, что с развитием вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ), да и мира в целом, возникает проблема определения начала жизни человека и, соответственно, вопрос о правовой охране как человека, так и эмбриона.

В случае с правовой охраной человека все просто. Существует огромное количество как актов законодательства, так и законодательных актов, однако правовая охрана эмбриона – вопрос открытый.

Ст. 24 Конституции Республики Беларусь закрепляет право каждого на жизнь. Однако в ней указывается жизнь человека – как объект правовой охраны. Тогда возникает закономерный вопрос определения начала жизни человека – момент, с которого человек приобретает право на жизнь и охрану данного блага.

Определение начала жизни – дискуссионный вопрос в наше время. И в разных странах он рассматривается по-разному.

Например, в Российском законодательстве момент рождения – момент отделения плода от организма матери посредством родов.

В Ирландии и Швейцарии жизнь человека начинается с момента зачатия.

Американский штат Алабама в конце февраля 2024 года принял беспрецедентное решение, по которому замороженный эмбрион отныне считается человеком и наделяется всеми правами, а его гибель подпадает под закон о противоправных действиях в отношении несовершеннолетнего.

Впервые американская судебная система столкнулась со спором вокруг судьбы эмбрионов в деле «Касс против Касс».

Морин и Стивен Касс поженились 4 июля 1988 года, однако попытки зачать ребенка были неудачными. В августе 1989 г. супружеская пара обратилась в Больницу Джона Т. Мазера в Порт-Джефферсон (Лонг-Айленд), где вступила в программу искусственного оплодотворения *in vivo*. Но и эти попытки оказались неудачными. Медицинским персоналом была предложена программа *in vitro*, когда зачатие происходит в пробирке с последующим переносом эмбриона в полость матки. Начиная с марта 1990 г., у Морин Касс неоднократно извлекались яйцеклетки, они оплодотворялись. Она дважды беременела в октябре 1991 г., но обе беременности были прекращены (первая закончилась выкидышем, вторая – хирургическим путем).

Пара на этом не остановилась. В 1993 г. они опять обратились за медицинской помощью для участия в программе суррогатного материнства, но на этот раз извлеченные яйцеклетки, в последующем оплодотворенные, криоконсервировались (это безопасная процедура, позволяющая сохранить жизнеспособность зародыша длительный промежуток времени).

Перед операцией пара подписывала четыре формы согласия, в которых подробно описывались возможные последствия. В них также четко было указано, что пара должна будет принять обоснованное решение относительно утилизации «лишних» эмбрионов.

Устанавливался срок хранения – 5 лет. Морин и Стивен Касс подписали, что решение о судьбе эмбрионов может быть только совместным, а в случае развода – судом по правилам раздела совместно нажитого имущества. Допускалось также распоряжение на случай смерти одного из супругов.

В подписанном соглашении о разводе указывалось и на судьбу половых клеток: они должны быть уничтожены медицинской организацией, ни один из уже бывших супругов не будет претендовать на их единоличное использование. Однако Морин Касс 28 июня 1993 г. по почте уведомила Больницу и врача о возникших трудностях, а также о своем несогласии на уничтожение эмбрионов. Через месяц Морин обратилась в больницу с просьбой о прохождении процедуры искусственного оплодотворения без согласия Стивена Касса.

Таким образом, процедура развода стала предметом судебного разбирательства, в котором Стивен Касс высказал свое полное несогласие с возможным принудительным отцовством. 16 мая 1994 г. было вынесено решение о разводе, в котором указывалось, что судьба эмбрионов должна быть разрешена отдельным разбирательством. 18 января Верховный

суд Нью-Йорка вынес постановление, удовлетворяющее просьбу Морин Касс.

В основу решения было положена правовая позиция Верховного Суда США по делу «Рой против Уэйд». Данное решение касалось закона штата Техас об ограничении права на аборт, но в нем выделялось общее правило *privacy*: «Право на неприкосновенность частной жизни, – независимо от того, вытекает ли оно из содержащейся в Четырнадцатой поправке концепции личной свободы и ограничения свободы властей (таким образом, как мы это понимаем) или же, из пункта о правах народа в силу Девятой поправки, как это определил местный суд, – является настолько обширным, что оно распространяется и на решение женщины об аборте или сохранении беременности».

Решение обосновало сроки беременности, исходя из которых может быть ограничено право женщины самостоятельно решать вопрос о материнстве. Право на выбор как элемент частной жизни получило конституционную защиту.

Верховный суд Нью-Йорка выделил три ключевых тезиса: 1) хотя эмбрион не является субъектом права, необходимо «поднять» его юридический статус (это связано было с тем, что эмбрионы рассматривались как часть совместно нажитого имущества); 2) поскольку в связи с разводом права мужа закончились, Морин Касс может принимать решение единолично; 3) заключенные ранее соглашения не позволяли выявить истинную волю сторон относительно судьбы половых клеток. Понятно, что Стивен Касс подал апелляционную жалобу, которая и была удовлетворена.

Апелляционная коллегия Верховного Суда Нью-Йорка указала, что суд первой инстанции совершил фундаментальную ошибку, распространив право на неприкосновенность частной жизни по делу «Роу против Уэйд», которое принадлежало беременной, на женщину, которая таковой только намеревается стать.

Право женщины осуществлять контроль в отношении своего нежизнеспособного плода (при решении вопроса об аборте) не равнозначно праву женщины осуществлять контроль в отношении эмбрионов. При криоконсервации может лишь быть поднят вопрос о праве на телесную неприкосновенность, то есть совершать или не совершать перенос половых клеток в свое тело.

Апелляционная инстанция решила оттолкнуться от стандартных принципов договорного права, перейдя к анализу подписанных парой соглашений. Это позволило суду уйти от бремени формулирования собственной позиции, ему необходимо было лишь выявить истинную волю

сторон, которая вовлекалась в письменную форму заключенного ранее соглашения.

Судья Кей установил, что основное бремя принятия решения должно принадлежать сторонам, а суд должен лишь найти их истинные намерения, которые выражены в подписанных документах, контролировать их исполнение.

Таким образом, Апелляционный суд должен анализировать следующие ключевые положения: 1) есть ли в соглашении двусмысленные положения; 2) необходимо выяснить намерения сторон и обстоятельства, связанные с исполнением соглашения; 3) если намерения невозможно выявить из самого соглашения, суд должен их оценить, исходя из общих требований права.

Судья Кей подчеркнул, что супруги Касс ясно заявили о запрете на использование эмбрионов без взаимного согласия, даже при наличии непредвиденных обстоятельств. Отказ от взятых на себя обязательств, даже при наступлении такого события как развод (которое было оговорено в соглашении), означало бы пересмотр любых соглашений.

В этом случае любой договор приобретал бы сомнительную силу, поскольку мог быть пересмотрен в любое время под предлогом изменения обстоятельств. Тем более, что в ходе судебного разбирательства стороны не оспаривали законность заключенного соглашения.

Супруги также согласились, что понимали и осознавали содержание подписанных бумаг.

Суд также неоднократно подчеркивал, что текст согласий, которые подписывали супруги, однозначно указывал на совместное волеизъявление: везде использовалось местоимение «мы».

В решении специально процитирован текст одного из документов: «Мы несем основную ответственность при принятии решения о судьбе наших замороженных эмбрионов. Наши замороженные эмбрионы не будут использоваться для каких-либо целей без письменного согласия обоих из нас».

Таким образом, Апелляционный суд Нью-Йорка сформулировал несколько значимых выводов, один из которых и предопределил судьбу эмбрионов в правовой системе США: эмбрион не признается лицом в конституционных целях, он не имеет право на «особое уважение».

Как мы уже упоминали ранее в научной статье «Правовой статус эмбриона» в национальном законодательстве нет единства подходов к определению статуса эмбриона. С одной стороны, законодатель рассматривает эмбрион как субъект права, а с другой – как часть организма матери.

В правовых системах большинства стран воспринята концепция эмбриона *in vitro* как объекта правоотношения. Она исходит из того, что начальная фаза искусственного зарождения и развития зародыша (как минимум до момента его переноса в организм женщины) недостаточна для предоставления режима защиты основных прав человека. При этом определение места эмбриона *in vitro* в системе объектов имеет различные вариации в доктрине.

На наш взгляд необходимо закрепить положение о том, что моментом начала охраны правового статуса эмбриона будет признаваться первый удар сердца, ведь именно с этого момента можно считать человека живым.